

Научная статья

УДК 347.19

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА КОНТРОЛИРУЮЩИМ ОРГАНИЗАЦИЮ

Шидловский Андрей Викторович, к.ю.н., доцент; декан юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, andshidlov.fac@bk.ru

Аннотация

Неформальные личные отношения, характеризующиеся нормативной неурегулированностью, являются весьма неоднозначной оценочной категорией, которая, тем не менее, используется в практике установления статуса контролирующего должника лица и бенефициарного владельца. Отсутствие в действующем отечественном законодательстве каких-либо норм, которые бы конкретизировали сущность данной категории, создает условия для необоснованно широкого толкования отдельных положений закона о признании лица контролирующим организацию-должника. Акты Верховного Суда РФ и Федеральной налоговой службы России в части оценки неформальных связей однозначного ответа на многие спорные вопросы не дают; более того, в них очевидны определённые противоречия: налоговый орган, как правило, более широко рассматривает неформальные личные отношения, как и их признаки. С учётом данной проблемы в статье предлагается дополнение Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» положениями, конкретизирующими перечень признаков, отражающих наличие неформальных личных отношений, которые должны или могут учитываться при решении вопроса о признании лица контролирующим организацию-должника. Также предлагается дополнить данный Федеральный закон ограничениями, не позволяющими субъектам правоприменительной деятельности чрезмерно широко трактовать неформальные отношения в указанном контексте.

Ключевые слова: банкротство, бенефициар, контролирующее должника лицо, неформальные личные отношения, ответственность контролирующего должника лица

Статья поступила в редакцию 15.07.2025, одобрена после рецензирования 30.09.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

INFORMAL PERSONAL RELATIONSHIPS AS A BASIS FOR RECOGNIZING A PERSON AS CONTROLLING AN ORGANIZATION

**Shidlovsky Andrey Viktorovich, Candidate of Law, Associate Professor; Dean of
the Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus**

Abstract

Informal personal relationships, characterized by regulatory unsettledness, are a very ambiguous evaluation category, which, nevertheless, is used in the practice of establishing the status of a controlling debtor and beneficial owner. The absence of any norms in the current domestic legislation that would specify the essence of this category creates conditions for an unreasonably broad interpretation of certain provisions of the law on recognizing a person as controlling a debtor organization. The acts of the Supreme Court of the Russian Federation and the Federal Tax Service of Russia regarding the assessment of informal relationships do not provide an unambiguous answer to many controversial issues; moreover, certain contradictions are obvious in them: the tax authority, as a rule, considers informal personal relationships more broadly, as well as their signs. Taking into account this problem, the article proposes to supplement the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" with provisions specifying the list of signs reflecting the existence of informal personal relationships that should or can be taken into account when deciding whether to recognize a person as controlling a debtor organization. It is also proposed to

supplement this Federal Law with restrictions that prevent law enforcement entities from overly broadly interpreting informal relations in this context.

Keywords: bankruptcy, beneficiary, controlling debtor, informal personal relationships, responsibility of controlling debtor

Введение

На протяжении многих лет постсоветской истории России в рамках права юридических лиц имела место достаточно серьёзная проблема, выражающаяся в существенной ограниченности возможностей выявления бенефициаров компаний в случаях выявления явных нарушений законодательства, особенно в ситуациях банкротства или преднамеренного занижения налогооблагаемой базы. С 2014 г. данная проблема стала решаться достаточно последовательно. Так, в 2014 г. Гражданский кодекс РФ [1] был дополнен ст. 53.1, упоминающей «лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица», в далее были внесены дополнения в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» [2] (далее – Закон № 127-ФЗ), внедрившие такую категорию, как «контролирующее должника лицо» (далее – КДЛ). В связи с этим были определены и соответствующие признаки, на основе которых появилась возможность выявлять соответствующих лиц для привлечения к ответственности. Однако, некоторые проблемы остались не в полной мере решёнными, и одна из них касается обоснования принадлежности субъекта правоотношений к категории КДЛ исходя из наличия неформальных личных связей с организацией, ее её номинальными руководителями, учредителями.

Основная часть

Сущность неформальных личных отношений в нормах действующего законодательства не раскрывается, и этот правовой пробел определённо осложняет рассмотрение избранной проблематики. Однако в научной

литературе сложились достаточно отчётливые представления о том, что же собой представляют неформальные личные отношения.

К ним относится именно та категория межличностных отношений, которая не зависит напрямую от установленных правил и норм. И если говорить именно о юридических лицах, то к неформальным личным отношениям в контексте их деятельности можно отнести любые коммуникации, не имеющие правовой регламентации в соответствующих официальных документах, возникающие произвольно, зачастую спонтанно, не имеющие определённого срока [10, с. 131].

Конечно, рассматриваемое понятие можно трактовать и в других аспектах, однако здесь важно именно обозначить их суть. Что же касается отдельных нюансов, они должны рассматриваться применительно к избранной теме на примере конкретных, юридически значимых документов, поскольку речь идёт именно о юридически значимых фактах и обстоятельствах деятельности организации. Но в конечном итоге оценка личных неформальных отношений сводится к поиску ответа на вопрос о возможности определять действия должника, не пребывая с ним в формальных связях.

Здесь уместно обратить внимание на Закон № 127-ФЗ, ст. 61.10 которого уточняет понятие КДЛ и в ч. 5 позволяет признавать такой статус за субъектами «по иным основаниям». Указанная норма по своему буквальному смыслу наделяет арбитражный суд и, очевидно, иные органы, уполномоченные решать задачи правоприменительного характера, достаточно широкими возможностями для усмотрения и трактовки тех или иных обстоятельств в качестве иных оснований. И здесь безусловно не последнее место занимают личные неформальные отношения.

Отсутствие нормативного определения рассматриваемого понятия заставляет нас обратиться к актам суда высшей инстанции, коим является Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ). В Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [3] даны

некоторые разъяснения относительно рассматриваемых правоотношений. В частности, ВС подчеркнул возможность осуществления фактического контроля над организацией вне зависимости от наличия или отсутствия формально-юридических признаков аффилированности. И о такой возможности могут свидетельствовать:

- родство или свойство с лицами, входящими в состав органа должника;
- прямое или опосредованное участие в капитале;
- прямое или опосредованное участие в управлении и т.д.

То есть круг признаков, которые так или иначе свидетельствуют или могут свидетельствовать о наличие неформальных связей, фактически не ограничен не только законом, но и судом.

Тем не менее, ВС РФ в указанном Постановлении подчеркнул, что «Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника».

То есть сам факт наличия тех или иных отношений, том числе имеющих неформальный характер, не может квалифицироваться однозначно как признак, позволяющий признать субъекта в качестве КДЛ. Думается, это одно из немногих ограничений, которое в свою пользу может использовать соответствующий гражданин, оспаривая неформальные основания для признания статуса КДЛ.

Более того, не являются достаточными основаниями для признания лица в качестве КДЛ и некоторые формальные связи с организацией, в частности, передача полномочий на совершение от имени должника тех или иных действий, на что тоже указано в рассматриваемом Постановлении Пленума ВС РФ.

Данная позиция в целом может рассматриваться как общепринятая и ни научным сообществом, ни законодателем не оспаривается. Солидарны и мы с ней. Однако совершенно иное мнение относительно возможности признания за

субъектом статуса КДЛ ввиду наличия неформальных отношений высказано в Письме ФНС России. Согласно позиции указанного ведомства, учтены и рассмотрены в качестве оснований для признания лица как КДЛ могут служить любые неформальные личные отношения, в том числе:

- совместное проживание (в том числе состояние в т.н. гражданском браке);
- длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба);
- совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т.п. [7].

Примечательно, что в указанном письме акцент был сделан на возможности установления соответствующих обстоятельств оперативно-розыскными мероприятиями.

Интересно, что в рассматриваемом письме ФНС России упомянуто и такое понятие, как «гражданский брак», хотя де-юре его не принято рассматривать в качестве основания возникновения каких-либо юридически значимых отношений. И в этом смысле видятся весьма существенные противоречия.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что, например, совместная служебная деятельность может быть, по своей сути, совершенно различной, в том числе не предполагать наличия каких-либо объективных связей. Например, два гражданина, проходя службу в одно подразделение, могут фактически между собой могут не взаимодействовать, в зависимости от специфики службы. Более того, продолжительность совместной службы может быть совершенно различной и никоим образом не способствовать установлению определённого тесного контакта, который бы позволил вести совместную деятельность, однако, исходя из признаков, выделенных в письме ФНС России, это существенной роли не играет. Сам факт даже косвенных отношений может быть истолкован как признак наличия неформальных личных отношений, присущих КДЛ.

Примечательно, что ни в официальных опубликованных документах ФНС России, ни в источниках законодательства, ни в подзаконных нормативных

правовых актах не говорится о том, в каких случаях подобного рода взаимосвязи могут быть или должны быть расценены как не свидетельствующие о возможности лица определять действия должника. То есть гипотетически можно предположить, что в любой ситуации наличие подобного рода взаимоотношений неформального характера может быть расценено как основание или повод для признания субъекта контролирующим.

В литературе обычно признается тот факт, что ВС РФ, обозначив свою позицию относительно неформальных личных отношений КДЛ, задал более высокий стандарт доказывания [9, с. 153]. Данное обстоятельство можно оценить лишь положительно. Однако, учитывая позицию ФНС России, вопрос оценки неформальных отношений в контексте выявления КДЛ пока остается открытым.

В контексте сказанного уместно обратиться и к Определению ВС РФ от 28.03.2019 № 305-ЭС18-17629(2), в котором было отмечено, что учитывая объективную сложность получения кредиторами отсутствующих у них прямых доказательств неформальной аффилированности, суды обязаны принимать во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств. Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении группы лиц, в силу ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ бремя доказывания обратного переходит на предъявившего требование кредитора, ссылающегося на независимый характер его отношений с должником [4].

Нельзя не признать, что отношения, имеющие неформальный характер, возможны как де-юре, так и де-факто в рамках юридически урегулированных договорных правоотношений. Во всяком случае, это следует из отдельных судебных актов. Так, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд признал, что недостаточно детальной регламентации обязательств сопутствует установление неформального порядка взаимоотношений его сторон [5]. Это определённо усложняет понимание сути неформальных личных отношений.

Однако, изучение некоторых источников судебной практики рассмотрения дел существу многие признаки, отражающие наличие неформальных отношений, позволяет выявить. Причем речь идёт зачастую именно о косвенных доказательствах. Например, Арбитражный суд г. Москвы, рассматривая одно из дел, обратил внимание на достаточно широкий круг косвенных, но взаимосвязанных признаков, свидетельствующих об аффилированности двух организаций. В частности, было отмечено совпадение вида деятельности, контактной информации, банков, в которых открыты счета; имело место отсутствие имущества у обеих организаций. Весьма примечательным было и другое обстоятельство: когда одна из организаций, в отношении которых рассматривалось дело, прекращала деятельность, вторая деятельность начинала; причём круг контрагентов у обеих организаций был одинаков. Исходя из этого суд сделал вывод о том, что фактически имело место непрерывное обслуживание одних и тех же контрагентов [6].

Заключение

Очевиден вывод о том, что неформальные личные отношения могут устанавливаться по неограниченному кругу признаков, в том числе по косвенным признакам. К сожалению, ни ни законодатель, ни ВС РФ не раскрыл исчерпывающе ни сути такого рода отношений, ни их признаков, ни требований к установлению (доказыванию) их наличия. Поэтому данные вопросы должны стать предметом более детального регулирования.

Видится необходимость дополнения ст. 61.10 Закона № 127-ФЗ перечнем конкретных признаков, которые могут или должны рассматриваться как свидетельствующие о наличии личных неформальных отношений между потенциальным КДЛ и организацией-должником. Помимо того, целесообразно исключить возможность чрезмерно субъективного и расширительного толкования норм данной статьи. Для этого следует внести в указанную статью также оговорку о том, что сами по себе факты совместного прохождения службы, обучения, осуществления трудовой деятельности в одной организации, имевшие

место ранее, не могут рассматриваться как неоспоримые признаки наличия неформальных отношений именно в контексте признания субъекта КДЛ.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 2017. № 297.
4. Определение Верховный Суд Российской Федерации от 28.03.2019 № 305-ЭС18-17629(2) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.03.2025 по делу №А21-8696/2023 // Электронное правосудие. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 02.06.2025 по делу № А40-309508/24-75-2533 // Электронное правосудие. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
7. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Жиганова А.В., Челомин А.В. Особенности формальной и неформальной коммуникации в бизнес-дискурсе // Libri Magistri. 2023. № 1(23). С. 63–76.
9. Михневич А.В., Оселедко А.Н. Понятие контролирующих должника лиц в процедуре банкротства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018 № 10-2. С. 151–159.

10. Тюрина Н. И. Неформальные отношения в современных деловых организациях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1(49). С. 124–132.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 07.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. ot 23.05.2025) «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 43. St. 4190.
3. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 21.12.2017 № 53 «O nekotoryx voprosax, svyazannyx s privlecheniem kontroliruyushhix dolzhnika licz k otvetstvennosti pri bankrotstve» // Rossijskaya gazeta. 2017. № 297.
4. Opredelenie Verxovnyj Sud Rossijskoj Federacii ot 28.03.2019 № 305-E`S18-17629(2) // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Postanovlenie Trinadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 11.03.2025 po delu №A21-8696/2023 // E`lektronnoe pravosudie. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
6. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy` ot 02.06.2025 po delu № A40-309508/24-75-2533 // E`lektronnoe pravosudie. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
7. Pis'mo FNS Rossii ot 16.08.2017 № SA-4-18/16148@ «O primenenii nalogovy`mi organami polozhenij glavy` III.2 Federal'nogo zakona ot 26.10.2002 № 127-FZ» // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Zhiganova A.V., Chelomin A.V. Osobennosti formal'noj i neformal'noj kommunikacii v biznes-diskurse // Libri Magistri. 2023. № 1(23). S. 63–76.
9. Mixnevich A.V., Oseledko A.N. Ponyatie kontroliruyushhix dolzhnika licz v procedure bankrotstva // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyx i estestvennyx nauk. 2018 № 10-2. S. 151–159.

10. Tyurina N. I. Neformal'ny'e otnosheniya v sovremenny'x delovy'x organizatsiyax // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'ny'e nauki. 2018. № 1(49). S. 124–132.